ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО

ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО

Бомбер Alexander Wang, футболка Rick Owens, джинсы Wood Wood, кроссовки Alexander Wang x Adidas Originals

Пиджак, поло, брюки — Castangia

«Начал заново ходить, говорить»

На новую редакцию «Братьев и сестер» с новым актерским составом, которую четыре года назад поставил Лев Додин, Петр Семак не ходил и не пойдет: «Ни любопытства нет, ни зависти. Не могу я смотреть на этот спектакль со стороны: это такая большая часть моей души, что воспринять его по-новому для меня невозможно».

В тот же год, когда у «Братьев и сестер» поменялся состав, Петр Михайлович перешел в труппу Александринского театра. Эта перемена произошла в тот период, когда артист переживал большое несчастье в семье. «Я чувствовал, что я замыкаюсь на своем горе. „Я вверг себя в отчаяние“, как говорит мой персонаж Леонт в „Зимней сказке“, и сам этого отчаяния испугался. Мы репетировали „Вишневый сад“, Лев Абрамович Додин призывал: „Надо включиться в работу“... А я не мог включиться. Меня хватало на небольшую дистанцию, а потом все внутри опускалось, мне становилось скучно… Я звонил и говорил: „Не могу. Ничего не хочется“. Я почувствовал: все, что в Малом драматическом,— все закончилось для меня».

На этом фоне предложение художественного руководителя Александринского театра Валерия Фокина сыграть в «Маскараде» стало для артиста спасением. «Это было совершенно новое. И я интуитивно почувствовал, что если начну сейчас что-то с нуля, как чистый лист,— спасусь». Разница между стилем работы Льва Додина и Валерия Фокина оказалась колоссальной: «Лев Абрамович — это такой Моцарт: он — летит!.. Одну репетицию никак не закончить, другую вовремя не начать, бурная фантазия, бесконечный процесс магии, волшебства, и все в театре этим живут и дышат… Валерий Фокин — совсем другое: жесткий, дисциплинированный. Он режиссер, у которого преобладает форма. Тут с озарениями о том, как на самом деле должна выглядеть роль, сложнее: форма в спектаклях Валерия Фокина настолько важна, что актерам он выставляет красные флажки, и любую попытку выйти за них по своей воле пресекает на корню. А с формой я прежде никогда не работал». Работа с наследником Всеволода Мейерхольда Валерием Фокиным стала для Петра Семака открытием: «Я начал заново ходить, говорить, постигать его систему — „Оказывается, так можно! Да вы что!“ И благодаря ему — ожил».

В самой дискуссионной за последнее время постановке Валерия Фокина — спектакле «Рождение Сталина» — у народного артиста РФ Петра Семака роль небольшая: в финале он приходит к молодому Иосифу в образе генералиссимуса. «Когда меня впервые для этой роли загримировали, я взглянул в зеркало и обомлел: как, оказывается, я на него похож! Ужас! Ужас, как грим может помочь осознать роль,— говорит актер.— Я понял, что Иосифа Виссарионовича как генералиссимуса, которого я в спектакле пытаюсь изобразить, хотел бы сыграть когда-то полноценно, не в эпизоде. Мне как актеру стало интересно исследовать, что двигало этим человеком, какое стремление души, какая сила». О том, что худрук Александринки намерен дать ему роль генералиссимуса в «Смерти Сталина», Петр Семак знал давно: «Валерий Фокин же несколько лет горел идеей исследовать эту проблему. Но сначала пьеса была другой: актерам первый вариант читать не давали, но говорят, она была решена в стилистике фарса. А потом что-то заставило Валерия Владимировича от этой идеи отказаться — возможно, выход комедийного фильма „Смерть Сталина“. Видимо, он понял, что фарс в этом случае не работает. И захотел, видимо, высказаться по теме более серьезно». О самом спектакле Петр Семак не готов сказать ни хорошего, ни плохого — изнутри судить трудно: «Но что-то интересное получилось, это я чувствую».

«Обязан дотянуть, дотерпеть»

Работа в Александринском стала для Петра Семака вызовом, «фантастическим рывком» — который, как в свое время в институте, позволил ему выбраться из отчаяния. Хотя теперь, говорит он, снова наступает период, когда хочется чего-то нового.

«Профессия все время требует перемен. Особенно в моем возрасте. Я чувствую интуитивно: если остановлюсь на чем-то одном, экспериментов над собой проводить не стану,— я зачахну, я закончусь,— говорит Петр Семак.— Если я еще чего-то хочу в этой профессии, надо меняться, ошибаться, спотыкаться, набивать себе коленки, биться об сцену, об стенки, но не останавливаться».

И тут же признается: «Часто хочется оставить все». Год от года, в каком бы театре ни работал, в скольких бы спектаклях ни был занят, какие бы награды ни получал — он неизменно говорит о сомнениях, о том, что иногда не находит ответа на вопрос, зачем он в этой профессии. Но не бросает. «Видно, за счет крестьянской закалки. С самого детства мы работали, пахали усердно. И это воспитание — нужно, надо, обязан дотянуть, дотерпеть — превратилось в отношение к своей профессии. С одной стороны, это хорошо: добиваешься результатов. А с другой стороны… Думаешь: а кому это надо? Вот ты вышел, сыграл — и все, это все ушло». С другой стороны, смысл, может, и не в том, чтобы остаться в вечности, рассуждает артист: «Не хочется, конечно, высокопарных слов. Но, как говорил Довлатов, „пышно выражаясь“, иногда я думаю над тем, что кто-то в театр приходит, смотрит, кого-то наша игра трогает, волнует — особенно молодых. Не читают сейчас школьники толстые книжки, зато приходят на спектакли и благодаря им открывают для себя классику. А бывает, подходят и говорят: спасибо, теперь точно прочту. Спектакли, роли остаются у людей в памяти — и что-то в их жизни меняется».

Фотосессия прошла в пространстве универмага «У Красного моста». Брендовые одежда и обувь для съемки предоставлены универмагом